

О ФЕНОМЕНЕ ЧУЖОГО ВЗГЛЯДА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ЗРИТЕЛЬНОЕ САМОВОСПРИЯТИЕ

Я. Н. Дёгтева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 21 июля 2016 г.

Аннотация: в данной статье представлены некоторые результаты междисциплинарного исследования зрительного самовосприятия субъекта в творчестве Ф. М. Достоевского в контексте изучения феномена чужого взгляда.

Ключевые слова: чужой взгляд, Достоевский, аутоперцепция, двойник, зер

Abstract: *this paper presents some results of the cross-disciplinary research of a subject's visual self-perception which was contextualized with visual aspects of a view of others on F. M. Dostoevsky's artistic works.*

Key words: *other's view, Dostoevsky, self-perception, double, mirror.*

Неоднократно отмечалась исключительная значимость взглядов в сюжетике произведений русской литературы [1, 2, 3]. От того, как видят героя (и видят ли его вообще), какие свои особенности он транслирует взглядом, зависит его судьба. Человек, видимый другим, может подпасть под влияние смотрящего, его Я уязвимо в момент наблюдения, в то время как скрытое или защищённое наблюдение за другими наделяет смотрящего властью над ними [4]. Чужой взгляд композиционно важен в литературных произведениях, поскольку отражает отношения героев между собой и к самим себе. Вообще, чужой взгляд по смыслу шире понятия «взгляд другого», так как может пониматься двояко: и как направленность зрения субъекта на некий не совпадающий с ним объект, и как способность субъекта смотреть на себя отчуждённо (чужими глазами) [5]. Иными словами, взгляд может быть чужим – «не своим» (субъект и объект такого взгляда не совпадают), а может быть чужим – «не свойственным субъекту» (субъект и объект совпадают); второй случай – это разновидность аутоперцепции.

В творчестве Достоевского представлены разнообразные варианты чужого взгляда. Чужие взоры не просто преследуют героев Достоевского – они пронизывают их, проникают во внутренний мир. Но, в свою очередь, чужие глаза также оказываются проницаемыми. Во взглядах выражаются отношения, мнения, желания окружающих, которые может прочитать герой.

Одна из характерных особенностей поэтики Достоевского заключается в том, что читатель зачастую видит героев глазами других действующих лиц. Писатель раскрывает перцептивный

опыт героев, на уровне композиции этот опыт передаётся не только повествователем – как внешнее по отношению к герою описание, но и самими героями – как рефлексия [6]. При этом Достоевский описывает не только взаимную перцепцию героев, но и зрительное самовосприятие – видение самих себя. Самовосприятие традиционно опосредовано каким-либо медиумом или двойником воспринимающего субъекта. В исследованиях творчества писателя неоднократно отмечалась раздвоенность героев. Она имеет различные формы: внешнее и (или) идейное сходство; антагонизм, в котором двойник демонстрирует вытесненные, но присущие герою черты. Эти формы редко представлены в чистом виде, сложно дифференцируются: отделить один вариант двойничества от другого возможно только теоретически в соответствии с целями определённого исследования. Поскольку в данном исследовании внимание уделяется визуальному в поэтике Достоевского, понятие двойничества, тесно связанное с темой самовосприятия, здесь ограничивается соматическим подобием героев.

В традиции мировой художественной литературы, как и в фольклоре, преобладает двойник, дублирующий соматическую и (или) духовную составляющую героя. Он трансформирует черты оригинала и использует это в своих целях. Двойник – антагонист героя, даже если в начале отношений удвоения это выражено неявно. Копия вредит оригиналу, вытесняет его, и т. п., несмотря на то, что имеет те же или похожие черты, не идёт на конструктивный диалог с последним. В ситуациях двойничества узнаваемы праформы, закреплённые в античных мифах (например, мифы об андрогидах, Нарциссе). Удвоение может иметь форму отражения или тени, и тогда они не только

выражают отношения подобия и причастности, но и помогают квалифицировать миметический статус литературного мира. Согласно идее Р. Лахманн, чем выше миметическая надёжность текста, тем меньше там раздвоенных и неопределённых образов [7].

Большое количество суеверий и ритуалов, связанных с видимым двойником и зеркалом, существует и в наши дни. И в фольклорных текстах, и в текстах на фольклорной основе зеркало связано с особыми знаниями, силой, атрибутами власти и т. п. Зеркало никогда не было просто предметом, оно всегда несло разнообразную смысловую нагрузку, это объясняет многогранность проявления мотива зеркала в культуре и искусстве. Оно является не только частью быта человека, но в какой-то степени и инструментом познания. Так, М. М. Бахтин отмечал особое значение зеркала в художественном творчестве Достоевского: зеркало воплощает гносеологическую функцию за счёт свойства отражения; в зеркале человек видит не себя, но то лицо, которое он намерен показать Другому, реакцию на него Другого и свою реакцию на реакцию Другого [8]. Зеркало – медиатор взаимодействия Я и «других»; смотря на себя в зеркало, человек видит себя как другого или же видит себя чужими глазами.

Первая встреча с двойником у людей традиционно происходит, когда они видят своё отражение в зеркале. Человек обретает своё Я с помощью других, присваивает образ себя, данный извне, при этом овеществляется самоотношение и формируется нарциссизм, сочетающий любовь и агрессивность, необходимые для социализации [9]. На этой ступени развития начинается борьба за себя со своим усвоенным извне двойником. Человек перед зеркалом видит не то, как он выглядит сейчас, а то, что он знает и помнит о собственном виде.

Однако такой подход не универсален по причине его культурной детерминированности. В цивилизованном обществе ребёнок с сохранным интеллектом и зрительной функцией встречается с собственным отражением не как с чем-то чуждым, а приходит к принятию отражения как своего образа. В условиях, приближенных к первобытным, и при нарушениях в развитии стадия зеркала у человека может протекать по-другому; индивиды с синкретическим мышлением пралогически воспринимают свои изображения и отражения: видят в них живое существо, двойника. По таким представлениям, копия может завладеть всеми ресурсами оригинала и разрушить или вытеснить его [10].

Но и в том, и в другом случае ассоциативная связь отражения и двойника очевидна.

Итак, в процессе онтогенеза человек начинает узнавать себя через отражение в широком смысле слова. Он видит себя в других людях, узнаёт свои особенности в процессе взаимодействия с ними (за

счёт получения обратной связи и т. п.), узнаёт своё отражение в зеркале, затем идентифицирует себя с помощью различных медиумов и т. д.

Безусловно, отождествлять зеркальное отражение и двойника полностью, несмотря на функциональную близость, нельзя, но взгляд Бахтина на зеркало как на предмет с гносеологической функцией и свойством отражения в своё время открыл новые возможности для анализа феномена двойника и зеркальности за счёт очевидности их функциональной сопоставимости как средств самообъективации.

Поскольку проблема чужого взгляда, в рамках которой рассматривается зрительное самовосприятие, является, по сути, междисциплинарной, отметим значимость феномена двойника в различных областях знания. Так, в психологической практике явление двойника рассматривается, в том числе, как один из аспектов проблемы самоидентичности. В психоаналитической традиции двойничество связывалось с явлением нарциссизма, подчеркивалась его бессознательная природа, детерминирующая симультанную комплементарность и противоположность двойника «оригиналу» [11]. Дальнейшее развитие этих взглядов привело к пониманию двойника как «дубля», который может репрезентировать некоторые аспекты личности «оригинала» или же тех людей, которые явились фигурами нарциссической привязанности человека, при этом отношения с двойником неустойчивы. Например, любовь может перейти в ненависть или отвращение [12].

Патологические случаи двойничества сопровождаются деперсонализацией, множественной личностью или даже навязчивой идеей о симбиотической связи с неким похожим на человека субъектом. Эта проблема активно разрабатывается в медицинской практике. Ж. Капгра со своим коллегой выявил и описал так называемую «иллюзию двойников»; описанные ими нарушения в дальнейшем получили развитие в официальной психиатрии. Синдром Капгра (бред отрицательного двойника) в основном встречается в двух разновидностях: аутоскопический синдром (больной видит двойника, чаще всего это он сам, а не кто-то из окружающих) и собственно синдром Капгра (больной не видит своего двойника). Этот синдром часто носит сочетанный с другими отклонениями (шизофрения различной этиологии, неврозы и т. п.) характер, поэтому нередко рассматривается как симптом комплексного нарушения [13].

При анализе творчества Достоевского нередко применяется психоаналитический метод, и исследование двойничества не исключение. Однако Л. Колберг отмечает несостоятельность психоаналитической трактовки явления двойничества в творчестве Достоевского, так как оно не согласуется с паранойальным отклонением, а также не отвечает базовым

объяснениям классического психоанализа. Он приводит в качестве аргумента то, у писателя галлюцинаторные и полугаллюцинаторные двойники преследуют оригинал и при этом заявляют об их идентичности; кроме того, оригиналу в какой-то степени известно о том, что двойники – отрицаемые или просто «другие» его самости. В реализме Достоевского, по мнению Колберга, скорее отражён аутоскопический синдром [14].

Таким образом, в художественной реальности столкновение с двойником нередко происходит на фоне нервного напряжения или даже психического расстройства героя; встреча же двойника в обычной жизни не всегда несёт черты патологии и деструкции, даже наоборот, может быть функционально связано с успешной социализацией.

Итак, зеркало как средство аутоперцепции героя опирается в основном на функцию памяти и интегрированные субъектом образы восприятия. В свою очередь, для квалификации взгляда героя на двойника как на носителя чужого взгляда важно, чтобы герой оценивал двойника как другого и руководствовался при этом основами идентификации, значимыми для характеристики его отношения к жизни.

Произведения Достоевского содержат множество примеров, когда на основании информации, полученной извне (в том числе по зрительному каналу), герои выстраивали свои умозаключения относительно самих себя. Так, Макар Девушкин видел себя чужими глазами, отражение в зеркале важно ему для определения того, как оценят его другие, он рассуждает о себе в их категориях. Голядкин-старший в зеркале видит тот образ, который его вполне удовлетворяет; уделяя внимание мелким деталям своей внешности, герой фантазирует, что и другие могли бы рассмотреть какие-то едва заметные изъяны, если бы они появились, но в то же время не видит целостного своего образа [15]. «В полный рост» он увидел себя в двойнике, воспринял Голядкина-младшего как жалкого человека, находящегося у подножия социальной лестницы. При этом оценивании он понимал свою тождественность двойнику, а значит, смотрел на себя отчуждённо, «бюрократическим» взором. Многомерное отражение, которым является Голядкин-младший, вызывает череду сильных чувств и переживаний у Голядкина-старшего (от жалости и симпатии до жгучей ненависти), ускоряет и усиливает процесс получения болезненного опыта, который оказывается разрушительным для личности «настоящего» Якова Петровича.

Очевидно, герои Достоевского изображены уже усвоившими массу принципов, норм, установок, способов мышления других людей. Не осмыслив их или не имея ресурсов им противостоять, герои начинают функционировать в соответствии с полу-

ченными от других взглядами. Это сказывается на Я-концепции и самовосприятии героев, они начинают смотреть на себя сквозь призму мнения других, так как при взгляде на себя руководствуются информацией, поступившей извне. Данные феномены очевидны в ситуациях самовосприятия, проявляющегося в двух разномасштабных формах: зеркального отражения и двойничества (которое при желании может быть истолковано как частный случай подобного отражения).

Таким образом, самовосприятие в контексте феномена зеркальности / двойничества может рассматриваться как разновидность чужого взгляда. И такого рода синтетический поход к скопической проблематике особенно значим при рассмотрении творческого наследия Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Криницын А. Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского / А. Б. Криницын . – М. : МАКС Пресс, 2001 . – 370 с.
2. Меерсон О. А. Достоевский и Гоголь. Ещё к теории пародии (и интертекста): Красавица в гробу — ведьма или Кроткая? / О. А. Меерсон // Памяти В. А. Туниманова. Sub specie tolerantiae [Текст] / отв. ред. А. Г. Гродецкая. – СПб. : Наука, 2008. – С. 231-243.
3. Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский / изд. подгот. Е. А. Андрущенко; [РАН]. – М. : Наука, 2000. – 587 с.
4. Фаустов А. А. О гоголевском зрении (Между «Арабесками» и вто-рым томом «Мёртвых душ») / А. А. Фаустов // Филологические записки: Вестн. литературоведения и языкознания. – 1997 . – Вып. 8 . – С. 104-119.
5. Дёгтева Я. Н. Особенности чужого взгляда в произведениях Ф. М. Достоевского / Я. Н. Дёгтева // Ступени роста-2015: Тезисы науч.-практ. конф., г. Кострома, 1-28 апреля 2015 г. – 2015. – С. 173-174.
6. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов . – М. : Наука, 1977 . – 574 с.
7. Лахманн Р. Память и литература. Интертекстуальность в русской литературе XIX-XX веков / Р. Лахманн . – СПб. : Петрополис, 2011 . – 400 с.
8. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества : сборник избранных трудов / М. М. Бахтин . – М. : Искусство, 1979 . – 421 с.
9. Лакан Ж. Семинары : (1954/1955) / Ж. Лакан . – М. : Гнозис, 1999 . – 520 с.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль . – М. : Педагогика-Пресс, 1999 . – 600 с.
11. Фрейд З. Художник и фантазирование / З. Фрейд . – М. : Республика, 1995 . – 400 с.
12. Ранк О. Миф о рождении героя / О. Ранк . – М., Киев : Рефл-бук : Ваклер, 1997 . – 249 с.
13. Ramachandran V. Phantoms in the Brain : Probing the Mysteries of the Human / V. Ramachandran, S. Blakeslee . – NY : HarperCollins Publishers Inc., 1999 . – 328 pp.
14. Kohlberg L. Psychological Analysis and Literary Form:

A Study of the Doubles in Dostoevsky / L. Kohlberg // *Daedalus: Perspectives on the Novel*. – Vol. 92, №. 2. – 1963. – Cambridge: The MIT Press. – pp. 345–362.

Воронежский государственный университет
Дёгтева Я. Н., аспирант кафедры русской литературы
E-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru

15. Дилакторская О. Г. Петербургская повесть Достоевского / О. Г. Дилакторская. – СПб.: Дм. Буланин, 1999. – 347 с.

Voronezh State University
Dyogteva Y. N., Post-graduate Student of the Russian
Literature Department
E-mail: Dyogteva@phil.vsu.ru